

**Отзыв официального оппонента на диссертацию Мастяевой Ирины
Николаевны
«Образ новicia в нормативных и духовно-назидательных текстах
Западной Европы XII века», представленную на соискание ученой
степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая
история (Средние века)**

Диссертационное исследование Мастяевой Ирины Николаевны, посвященное проблеме новicia в Западной Европе эпохи классического Средневековья, представляет несомненный интерес в контексте изучения истории средневекового монашества и институтов посвященной жизни в отечественной историографии. Автор диссертации обратился к малоизученной проблеме становления новicia в западной монашеской традиции, институциональное оформление которого сложилось в «долгом XII веке» – в эпоху глубинных трансформаций, которые переживала европейская цивилизация. Ответом Церкви на эти изменения стало появление принципиально новой формы организации монашества и клириков в виде орденов со сложной иерархией власти. Именно в XII веке возникает такое количество орденов, что уже IV Латеранский собор вынужден был эксплицитно запретить создание новых орденов. Основатели и духовные отцы новых орденов создавали свою собственную духовную генеалогию, и им также следовало определить место ордена в христианском обществе, проходящем через череду кризисов и потрясений, найти и форму привлечения новых членов общины, выработать нормы обучения новых членов, которые соответствовали бы вызовам времени и духовному служению ордена. Новicia как институт, который складывается в XII веке как необходимость адаптации новых членов, имел в каждом ордене свои особенности, отражающие аскетику каждой конкретной монашеской конгрегации, при этом он был ориентирован преимущественно на взрослых, которые делают сознательный выбор, в противовес распространенной в раннее средневековье практике облатов – «принесенных в дар детей», которые воспитывались в монастырях и принимали потом монашеские обеты.

В представленной к защите диссертации объектом исследования стал образ новicia в мужских монастырях и общинах уставных каноников XI–XII вв., а предметом исследования – формирование института новicia отраженное в нормативных и дидактических текстах, авторы которых были членами монашеских орденов или общин уставных каноников. И.Н. Мастяева ставит перед собой амбициозную задачу – проанализировать, как в источниках XII в. формируется представление о новии как о переходной фигуре между мирянином и монахом/каноником, и какие дисциплинарные, духовные и повседневные практики использовались для его воспитания и включения в религиозную общину. Стремление молодого ученого осуществить подобное всестороннее, комплексное исследование новicia на этапе его

институализации заслуживает всяческого поощрения. Источниковая база исследования впечатляет своим объемом и разнообразием. Автор успешно использует как нормативные документы (уставы, *consuetudines*, статуты), так и духовно-дидактические трактаты представителей наиболее значимых монашеских традиций (Гуго Сен-Викторского, Бернарда Клервоского, Гильома из Сен-Тьери, Элреда из Риво, Петра Целийского и др.), эпистолярные источники (письма Адама из Персеня, Ансельма Кентерберийского, Бернарда Клервоского, Петра Целлийского) и агиографическую литературу (жития Бернарда Клервоского, Петра Дамиани, Элреда из Риво, Одона Клунийского и Бруно Кельнского).

Избранная соискателем тема имеет свою довольно обширную историографию, представленную исследованиями на английском, французском, итальянском, немецком языках, а также работами, созданными отечественными учеными. Соискатель проводит подробный анализ отечественной и зарубежной историографии, рассматривая историю изучения «вопроса» как в локально-региональном контексте, так и как части истории Церкви. Методология исследования демонстрирует современный подход к изучению средневековой истории, сочетая историко-культурный анализ с элементами социальной истории, истории повседневности, используя антропологический подход, оптику *space turn*.

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании фигуры новicia как части институализированной системы в эпоху ее становления в социальном, религиозном и богословском аспектах, что ранее не получало достаточного освещения в историографии. Структура хорошо продумана и возражений не вызывает, работа логична и последовательна, позволяет проследить все аспекты изучаемой проблемы: от статуса новicia до духовной педагогики.

В первой главе основной части работы рассматриваются исторический контекст появления новicia на латинском Западе, положение новicia внутри общины и его принципиальные отличия от других статусов – облатов и братьев-конверсов, разные пути к новiciату, анализируются ритуалы приема и их символика в различных традициях, уделяется внимание не только обучению и организации жизни новicia внутри обители, но также облачению как важной части перемены статуса, обсуждается проблема возрастного ценза, вопросы внутренней иерархии среди новiciaев и положение новicia внутри этой сложной структуры в зависимости от возраста, грамотности, сана, срока пребывания в обители и происхождения

Вторая глава посвящена жизни новicia внутри обители: используя оптику пространственного поворота, И.Н. Мастяева показывает, как пространство становится элементом воспитания и социального взаимодействия внутри монашеской общины на различных уровнях иерархии, маркируя через доступ

или запрет положение новicia, его переходный статус между миром и монастырем, его возможность участвовать в духовной жизни обители, а также различия между запретными/доступными пространствами в зависимости от аскетики ордена. Данный подход требует от автора не только глубокого знания нормативных предписаний, но и понимания особенностей архитектурной организации внутреннего пространства монастырей, их «вписанность» в природный и городской ландшафт, а также особенности изменения этого ландшафта на протяжении «долгого XII века». В разделе, посвященном дисциплине тела, исследователь показывает, как менялась концепция дисциплины тела, как формировался и менялся распорядок дня, на какие занятия делался упор в зависимости от ордена, как богословие и служение ордена определяло форму жизни новича внутри монастыря. Особое внимание уделяется дисциплине молчания как институциональной практике: проводится как «сквозной» хронологический анализ этой практики от Устава св. Бенедикта до картузианцев XII века, так и ее сравнительное изучение у клюнийцев, цистерцианцев, викторинцев, в частности, выделяется развитие языка жестов и приводится таблица с данными по количеству знаков и тематике жестов (с. 92). Помимо изучения нормы жизни внутри обители соискатель обращается к проблеме нарушения нормы и связанными с ней видами прещениями, анализируя Устав св. Бенедикта и Ахенский устав, в обычаях Клюни, уставных каноников, нормативных источниках цистерцианцев, предпринимается попытка осмыслить жизнь и воспитание новicia внутри обители через строгое регулирование пространства, времени, круга общения, формы общения, количества физического труда и духовных практик, круга чтения.

Третья глава посвящена дисциплине духа и формированию личности новicia и в отличие от предыдущих, строится, преимущественно, на духовно-дидактических трактатах с привлечением писем или свидетельств агиографии. Автор анализирует викторинскую модель дисциплины через порядок (Гуго Сен-Викторский), цистерцианскую педагогику, выстроенную на принципе *caritas* (Элред из Риво), и новую бенедиктинскую традицию «педагогики совести» (Петр Целлийский), исследуется социо-культурная динамика концепции послушания и эмоций в духовном формировании новicia. Отдельный интерес представляет исследование разных форм *lectio divina* внутри монашеского контекста в разных традициях: автор сравнивает круг чтения и практики *lectio divina*, ее значение в духовной жизни обители, различия между монашеским подходом и методом, практиковавшимся в соборных школах, в среде каноников. Отдельно разбирается роль наставника как ключевой фигуры в формировании личности новicia. В заключении подводятся итоги исследования, список использованных источников и литературы насчитывает 170 названий. В диссертации также представлено Приложение I в виде сравнительной таблицы условий жизни монаха и новicia и Приложение II в виде словаря основных терминов.

Как и любое диссертационное исследование, настоящая работа не лишена недостатков, среди которых можно назвать следующие:

В своей историографической части соискатель обходит вниманием труды немецких ученых, занимавшихся изучением истории религиозности и монашества, сравнительной историей орденов, например, фундаментальные работы Арнольда Ангелендта, Клауса Шрайнера, Герда Циммерманна, Йорга Зоннтага, Йорга Оберсте, Карла Босла, Райнера Бернда (например: *Angenendt A. Die Geschichte der Religiosität. Darmstadt, 1999; Zimmermann G. Ordensleben und Lebensstandard. Die Cura Corporis in den Ordensvorschriften des abendländischen Hochmittelalters. Münster, 1973; Schreiner K. Gemeinsam leben: Spiritualität, Lebens- und Verfassungsformen klösterlicher Gemeinschaften in Kirche und Gesellschaft des Mittelalters. Berlin, 2013; Sonntag J. Klosterleben im Spiegel des Zeichenhaften: symbolisches Denken und Handeln hochmittelalterlicher Mönche zwischen Dauer und Wandel, Regel und Gewohnheit. Berlin, 2008; Oberste J. Visitation und Ordensorganisation. Formen sozialer Normierung, Kontrolle und Kommunikation bei Cisterziensern, Prämonstratensern und Cluniazensern (12. - frühes 14. Jahrhundert. Münster, 1996; Bosl K. Regularkanoniker (Augustinerchorherren) und Seelsorge in Kirche und Gesellschaft des europäischen 12. Jahrhunderts. München, 1979; "Scientia" und "Disciplina". Wissenstheorie und Wissenschaftspraxis im 12. und 13. Jahrhundert // Hrsg. Berndt R., Berlin, 2002).*

Знакомство с этими работами позволило бы автору уточнить утверждение, что историография воспитательных практик в монашеской и интеллектуальной среде преимущественно формировалась во франкоязычной традиции (с. 46), и, возможно, отказаться от классификации историографических подходов по принципу монашеского с осмыслением опыта «изнутри» и светского с применением культурологического и историко-педагогического методов (с. 46). Несколько удивляет привлечение в качестве источника жития Одона Ключийского, второго аббата Ключи, жившего в первой половине X века, текст которого был составлен в середине X века, поскольку хронологически это выбивается за рамки работы, не привлекаются, однако, жития Норберта Ксантенского, основателя ордена премонстрантов, ключийских аббатов Петра Достопочтенного, Гуго Великого.

В некоторых разделах можно было бы усилить теоретическое осмысление используемых источников, особенно, в III главе, построенной преимущественно на исследовании духовно-дидактических трактатов. Спорным представляется упор на работы Элреда из Риво при исследовании цистерцианского взгляда, без учета влияния на этого цистерцианца местной, островной традиции аскетики. В этой связи в работе можно было бы более подробно рассмотреть региональные особенности формирования новициата в различных частях Европы хотя бы на примере цистерцианского ордена, а привлечение трудов Ришара Сен-Викторского позволило бы показать динамику развития педагогической мысли внутри викторинской традиции.

Нельзя согласиться с утверждением, что у цистерцианцев и премонстрантов была более строгая аскетическая традиция молчания (с.96). В отличие от клюнийцев, которые молчанием уподоблялись ангелической жизни, ключом жизни цистерцианцев было разнообразие в единодушии, как об этом говорил в одной из проповедей Бернард Клервоский. Цистерцианские монастыри выстраивались вдали от городов, и уже их локализация свидетельствовала о разрыве с миром, важное значение имел и состав монастырей цистерцианцев, в которые приходили люди с мирским опытом жизни. Им требовалось духовное руководство в тех искушениях, которые неопытные претерпевали. Бернард требует соблюдения мира, чтобы братья в общине не обижали друг друга делом или словом или каким-то знаком. При этом в «Апологии к аббату Гильому» цистерцианец критикует Клуни за несоблюдение обычаев, обращая внимание, что за трапезой невозможно услышать о Писании, о спасении души, там были лишь сплетни, смех и слова, бросаемые на ветер. В ответ на критику, Петр Достопочтенный в своих статутах пытался восстановить ценность тишины, ужесточая требования к соблюдению *disciplina silentii*, запретив в Клуни разговаривать не только в упомянутых ранних статутах местах – церкви, dormitorio, refectory и кухне – но также в мастерских и лечебнице, добавив во время Великого Поста еще три дня абсолютной тишины – вторники, четверги и субботы, ранее в дни, когда ранее разрешалось говорить (см. подробнее: Redkova I. Die »disciplina silentii« und die Kommunikationsformen in der monastischen Tradition des 12. Jahrhunderts am Beispiel von Cluny und Cîteaux, 2015).

Достаточно спорным представляется утверждение, что братья-миряне никогда не могли стать полноправными братьями (с. 61). Главный нормативный документ ордена – «Хартия милосердия» – определяла конверсов как братьев (*fratres*) и соучастников (*participes*), равных монахам в непреходящих и преходящих благах. Так же спорным является утверждение, что основой жизни монахов с VI века был бенедиктинский устав (с.97). Устав св. Бенедикта стал повсеместной нормой только благодаря усилиям каролингских реформаторов, которые внедряли его во всех монастырях империи в качестве римского образца.

В некоторых случаях сложно согласиться с авторской интерпретацией латинских переводов: под *disciplina ordinis* (с.69) следует понимать не монашескую жизнь в целом, а нормативную аскетику ордена; *psallere alta et demissa voce* (с.69) следует переводить не как «выучить псалмы наизусть», а как «петь псалмы повышая и понижая голос», что отражает особую технику чтения Псалтири в контексте литургического богослужения клюнийцев, которой обучали новоначальных.

В работе также встречаются досадные опечатки, например, в именах и фамилиях (Дж. ван Эген вместо Дж. Ван Энген, (с.43), Х. Фишер вместо М.

Фишер (с. 45)).

Указанные замечания не умаляют заслуг автора и не понижают качества проделанной исследовательской работы. Автор продемонстрировал искреннюю увлеченность и глубокое погружение в избранную тему, тщательное прочтение непростых даже для медиевиста текстов. Диссертационное исследование свидетельствует о высокой квалификации И.Н.Мастяевой в области истории средневекового западного монашества, богословского и интеллектуального контекста эпохи; на протяжении всего текста автор последовательно доказывает справедливость вынесенных на защиту положений.

Диссертация И.Н. Мастяевой представляет собой оригинальное и актуальное исследование, которое вносит существенный вклад в изучение монашества и – шире – интеллектуальной культуры Западной Европы классического Средневековья. Основные положения и выводы диссертационного исследования обоснованы, фундированы, не вызывают сомнений. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Диссертация соответствует требованиям пунктов 9-15 действующего «Положения о присуждении ученых степеней». Соискательница, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук

Заведующая кафедрой Всеобщей истории
Историко-филологического факультета ПСТГУ

Редькова Ирина Сергеевна

Почтовый адрес:

Историко-филологический факультет,
109651, г. Москва, ул. Иловайская, 9, стр. 2, ауд. 511
Тел.: +7 (495) 646-71-34, E-mail: iff@pstgu.ru

30.09.2025

Подпись Редьковой Ирины Сергеевны заверяю:

